



18 Июня 2009 [Кухаренко Илья](#)

Дмитрий Хворостовский: «Мои младшие дети не занимаются музыкой, только подают надежды»

Сегодня в рамках фестиваля искусств «Черешневый лес» Москва услышит звездный тандем прославленного баритона Дмитрия Хворостовского и маэстро Валерия Гергиева, которые исполнят фрагменты из опер Верди и Рубинштейна

— *Когда с Гергиевым, который известен своим шаманством, поют солисты его театра, бывает слышно, насколько они зависят от его гипноза, от его руки — в этом случае он часто бывает кукловодом. С вами он играет по-другому, как с равным, а это рождает другую искру, другой драйв.*

— Это правда, и хорошо, что это заметно. Нас объединяет многолетняя дружба, человеческая и творческая. Очень много было сделано на сцене на протяжении 20 с лишним лет. И я с необычайной любовью отношусь к нему как человеку, но прежде всего — как к великому маэстро. Именно благодаря встречаю с людьми такого масштаба в моей жизни и происходит творческий рост.

— *Сейчас вас широкая публика знает по военным песням, старинным романсам или новому альбому с песнями Игоря Крутого, но ведь был и другой Хворостовский — с изысканными, «умными» программами Малера, Свиридова, Де Фальи.*

— Все будет, я постепенно двигаюсь во всех направлениях. Возможно, из-за оперы или проектов вроде того, который мы делаем с Игорем Крутым, мои камерные программы отошли на второй план, но они абсолютно не забыты. Сейчас мы начинаем работать над новой программой с пианистом Ивари Илья, и окончательный выбор пока не сделан, но я уже могу назвать имена Листа, Форте, Танеева, то есть вы уже можете составить приблизительное представление о том, куда я двигаюсь.

— *Одно время ваш глянцевый ретушированный лик с характерным донжуанским взглядом маячил во всех крупных магазинах грамзаписи, и казалось, что индустрия слишком плотно приклеила к вам маску невозможного мачо из серии «смерть бабам», но сейчас я почти этого не вижу.*

— Да, было время, когда все хотели эксплуатировать именно такой — примитивный образ, но это была не моя инициатива. Просто люди, которые занимались раскруткой, не пытались узнать меня по-настоящему и приклеивали наиболее подходящий с их точки

зрения ярлык. Это была болезнь роста. Хотя тестостерон присутствует в любом хорошем мужском исполнении — должен присутствовать. У меня, возможно, его уровень был, да, пожалуй, и остается довольно высоким. И это немаловажная часть любого исполнения — не только опера, но и поп-музыка, и театр, и кино — все на этом зиждется.

— *Я помню, как завистливо смотрели на вас эстрадные звезды и как плакали бритоголовые братки в зале, когда вы пели военные песни. Но в то же время это был чуть ли не первый концерт, когда вы стали смотреть публике в глаза, открылись залу. А до этого момента на московских концертах ваш подбородок всегда смотрел немного вверх, словно вы не петь выходили, а драться.*

— Был у меня определенный барьер перед московской публикой. И, видимо, до сих пор стоит. С классической публикой. И это ни в коей мере не сказывается на моей интерпретации. Но что-то меня раздражает:

— *Что раздражает? Московское высокомерие перед сибиряком?*

— Да нет, не думаю. К тому же я уже давно забыл, что сибиряк, скорее житель мира, а может быть, житель самолета. (Смеется.) Ну угораздило меня родиться и вырасти в Сибири, но с тех пор прошло уже так много лет, что я себя того почти не помню. А было время, когда хотел забыть намеренно, но теперь это тоже прошло. Теперь отношусь к этому периоду скорее с нежностью, но без ностальгии. А барьер и правда есть — может, потому, что публика видна и не все лица меня вдохновляют. Хотя на последних концертах этого уже нет. Чем старше становлюсь, тем теплее мне с московской публикой. (Смеется.)

— *Я с удовольствием смотрел на игру вашей жены Флоранс, игравшей Изабель Бенедетти в сериале «Тяжелый песок». Как это случилось?*

— Этот проект состоялся благодаря нашей тесной дружбе с Борщевскими, которые приглашали и меня, но я отказался, а она нет — и слава богу. Во-первых, это было ей в радость. Мне, в общем, тоже понравилось: это крепкая и не стыдная работа, хотя мне все же жалко, что роль получилась не очень большой. Антон Борщевский, безусловно, суперпрофессионал, но я ничего не могу с собой поделаться, сериалы — это жанр, который я не очень жалую. Да и из романа Рыбакова можно было бы сделать полнометражный фильм.

— *Знаю, что вы поцеловались с Флоранс в первый раз на спектакле «Дон Жуан», где она пела Церлину, а вы, соответственно, Дон Жуана, но она оставила карьеру певицы, а теперь что же? Карьера актрисы? Как же будете дальше жить?*

— (Лукаво смеется.) Как дальше жить? Да нам бы с детьми разобраться: трудно совмещать работу матери, работу жены и работу актрисы. (Про себя-то я молчу, разумеется.) А ещё учтите, что мы все время в разъездах. За мной нужно ездить и приглядывать, и детей надо водить в школу, и пение бросать нельзя.

— *То есть она продолжает заниматься?*

— Да, и у нее очень хорошо получается. С другой стороны, я, возможно, неправильно сдерживаю её, нужно дать ей большую свободу. Но мне кажется, что времени у нее все равно не хватит.

— У вас дома настоящий языковой Вавилон — в ходу русский, итальянский, французский, вероятно, дети ещё учат английский. А на каком языке вы общаетесь?

— Я только по-русски. Не знаю, правда, что происходит в мое отсутствие. (Смеется.) Жена говорит по-русски, дети тоже. Хотя, конечно, бывает, перескакиваем с языка на язык, благо возможности у нас есть.

— Глядя на весь этот домашний интернационал, вспоминаете себя — красноярского? Который учил детей в школе музыке по системе Кабалевского?

— Да, правда, по системе Кабалевского. Мне бы сейчас те мои умения и талант педагога сильногодились. Пока что мои младшие дети не занимаются музыкой, только подают надежды: А хотелось бы.

— Не бойтесь, что кто-то из детей захочет слишком серьезно стать музыкантом?

— Не только не боюсь, а даже очень хочу. Был бы талант. Кстати, у маленькой Ниночки уже проявился абсолютный слух, хотя ей ещё и двух лет не исполнилось. Она уже блестяще воспроизводит все звуки и мелодии, которые слышит вокруг. Причем в тех же тональностях.

— Завидую.

— (Смеется.) Не завидуйте. Людям с абсолютным слухом бывает очень плохо в жизни, особенно когда кто-то фальшивит или поет не в той тональности.

— Как рано вы поняли, что обладаете уникальным инструментом в вашей гортани? Насколько это осложнило вашу жизнь?

— Я понял, что у меня есть определенный талант, довольно рано, однако осознание того, что мне принадлежит такой Божий дар, пришло поздно. Но мне кажется, что сам голос — это ещё не все. Как и хороший инструмент, голос звучит лишь в хороших руках. Как и глаза, голос — это зеркало души, и даже тембр передает какие-то черты характера.

— Откуда это у вас? Меня однажды огорошила великая Джоан Сазерленд, когда я ей задал этот вопрос. Она сказала: «Да Боже мой, моя мама пела так, что мне и не снилось, а её трелям я завидую до сих пор».

— А у меня от папы. И от мамы, кстати, тоже. У нее прекрасный природный голос.

— Папе вы посвятили недавний диск со старинными романсами.

— Потому что для меня старинный русский романс — это мой папа. Он этот жанр любит безумно, и эта любовь посетила и меня.

— Скоро вы должны петь концерт с Аней Нетребко. Про её голос после рождения ребенка говорят разное. Переживаете за нее?

— Нет. Все с её голосом в порядке. Мы же давние друзья, я прекрасно знаю её мужа, Эрвина. И сына видел неделю назад.

— Хорошенький?

— Хорошенький такой, пухленький, удивительно спокойный. По-моему, на нее похож. Я очень ценю искусство Анны Нетребко, петь мне с ней привольно и хорошо — она прекрасная партнерша, с ней легко и весело и в жизни, и на сцене. И я этой встрече жду с восторгом. Жалко, что у нас не будет концерта в России, но придет и этот день, я думаю. Мы даже по-дружески в России не можем пересечься, даже если договоримся: в последний момент её агенты непременно поменяют планы, и мы все отменяем.

— *Вы уже прошли в свое время медные трубы пиара, а теперь не смотрите на кутерьму вокруг Анны взглядом старшего брата?*

— Да я, в общем, и есть старший брат. Я ведь её помню ещё по конкурсу Глинка. И в свое время, ещё когда она начинала, я сказал её агенту Джеффри: «Если ты не сделаешь ей экстраординарную карьеру, если ты не заставишь самых известных часовщиков и ювелиров заключить с ней рекламные контракты, я тебе шею сверну». Я не преувеличиваю — так и сказал. И когда я увидел, что все это началось, я только обрадовался.

— *Последний вопрос: Флоранс уже научилась лепить пельмени или это по-прежнему ваша прерогатива?*

— Мы оба терпеть не можем готовить. Для того чтобы отведать её кухни, мне приходится ждать несколько месяцев. Но когда это происходит, это стоит всех ожиданий и моего занудства. Она умеет готовить настоящую итальянскую еду. Скажем, оссо букко в её исполнении — это невероятно вкусно. Это потрясающе, этого стоит ждать. Но нужно, чтобы к нам пришли важные гости. А для меня такая же вкусная пытка — это пельмени лепить.

Наше досье

Дмитрий Хворостовский родился 16 октября 1962 года в Красноярске в семье инженера — любителя музыки. Окончил Красноярский институт искусств, пел в Красноярской опере. В 1989-м на конкурсе Би-би-си завоевал титул «Лучший голос». После дебюта в «Метрополитен-опера» в 1990-м получил ангажементы в большинстве ведущих оперных домов мира. В репертуаре преобладают русские и итальянские оперы. В 2005-м провел мировое турне с программой «Песни военных лет». Живет в Англии и Швейцарии. Второй раз женат, имеет четверых детей.

Цитата

«Людам с абсолютным слухом бывает очень плохо в жизни. Особенно когда кто-то фальшивит или поет не в той тональности».